

THE LIBRARY OF CONGRESS

КУРГАНЪ.

БАЛЛАДА.

(ИЗЪ СИБИРСКИХЪ ПРЕДАНІЙ.)

Соч. Михаила Иртышева.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1853.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 3 Марта 1853 года.

Ценсоръ *А. Крыловъ.*

Печатано въ типографіи Юліуса Штауфа.

КУРГАНЪ.

I.

Тамъ, гдѣ морозы и бураны
Зимою спорятъ межъ-собой,
Близъ Иртыша, въ степи глухой,
Виднѣютъ древніе курганы,
Останки старины сѣдой.
Но кто ихъ тамъ соорудилъ?
Кто прилагалъ о нихъ старанье?
Ни кто не знаетъ! И преданье
Дало имъ общее названье —
Названіе *чудскихъ могилъ* (1).
И въ ихъ кругу одинъ курганъ

Стоитъ на холмѣ одинокой,
И мрачный, словно великанъ
Израненный въ борьбѣ жестокой
Съ врагами родины. Ручей,
Журча, близъ холма протекаетъ,
На солнцѣ блещетъ и сверкаетъ
Своей зеркальною струей.
И поле отъ ковыль-травы
Колышется, какъ парусъ бѣлой;
И звуки замерли молвы
Вокругъ могилы опустѣлой...
Но кто кого здѣсь схоронилъ,
Чьи раздавалися рыданья,
Иль тайны кто свои сокрылъ,
И для чего? Отвѣта нѣтъ;
Окрестъ глубокое молчанье...
Но взрытъ кургана весь хребетъ,
И сохранили темный слѣдъ
О немъ старинныя преданья.

И говорятъ: сѣдой шаманъ,
Кудесникъ, къ идоламъ пристрастный,

Воздвигъ на холмѣ тотъ курганъ
Для дочери своей прекрасной.
И жертвы приносилъ богамъ,
Отчизну милую хранившимъ .
И скрылся онъ, не покорясь врагамъ,
Сибирь внезапно полонившимъ.
И такъ, дошли до насъ преданья:
Свои свершая заклинанья,
Онъ произнесъ:
„Кто легку лань
„Убьетъ полночною порой,
„И принесетъ кроваву дань
„Духамъ, живущимъ подъ землей,
„И также въ жертву сто головъ
„Въ курганъ представитъ въ честь боговъ,
„Найдетъ онъ много въ немъ добра:
„Найдетъ алмазную гробницу,
„Коня и красную дѣвицу,
„И кучи злата и сребра.
„Но если дерзко кто рѣшится
„Проникнуть хитростью сюда,

„Надъ тѣмъ тотчасъ-же совершится
„Позоръ и страшная бѣда.“

Свершивъ заклятія, шаманъ
Оставилъ мрачный тотъ курганъ;
И съ той поры, на мѣстѣ томъ,
Въ часы глубокой полуночи,
Когда все спитъ глубокимъ сномъ,
Блестятъ во мракѣ чьи-то очи,
И слышенъ будто волчій вой.
То бѣсъ съ косматой головой,
Съ когтьми, съ кабаньими клыками,
Махая черными крылами,
Стоитъ, ночной сторожевой.
И духи мрака вкругъ него
Невидимой толпою бродятъ,
И въ трепетъ путника приводятъ,
Въ степи застигнувъ одного.

II.

Одной порой, стрѣлецъ опальный,
Посельщикъ изъ Россіи дальной,
Скитался по глухимъ мѣстамъ
Въ то время мало населенной
Сибири. — Преданный страстямъ,
Душою пылкой одаренный,
Вдругъ, наконецъ, услышалъ онъ
Про чудо, скрытое въ пустынѣ,
И тѣмъ расказомъ изумленъ,
Подумалъ втайнѣ: „Еслибъ нынѣ
„Со счастьемъ вновь сошелся я,

„Скитаясь странникомъ въ чужбинѣ
„Досталъ вдругъ кладъ! Судьба моя
„Тогда бъ конечно измѣнилась,
„И участь горькая смягчилась…
„И, можетъ быть, мои друзья,
„Я вновь увидѣлся бы съ вами,
„Услышалъ вашъ привѣтный гласъ,
„И къ сердцу вновь прижалъ бы васъ
„Въ Москвѣ, за шумными пирами;
„Узрѣлъ бы родину мою
„И тѣхъ, по комъ здѣсь слезы лью“…

И лишь насталъ полночный часъ,
Онъ вышелъ въ поле одинокій,
Увидѣлъ холмъ, курганъ высокій
И пару яркихъ, страшныхъ глазъ.
И долго на курганъ глядѣлъ
Посельщикъ зоркими очами,
Но какъ взять кладъ, недоумѣлъ…
Волнуемъ смутными мечтами,
Онъ наконецъ въ дремучій лѣсъ
Свернулъ и межъ деревъ исчезъ;

И тамъ, поймавъ живую лань,
Духамъ принесъ кроваву дань;
Но гдѣ возьметъ онъ сто головъ,
Принесть на жертву въ честь боговъ?
И вотъ вопросъ: какихъ головъ?
Задумался искатель клада,
Вопросъ кровавый, роковой,
Носился надъ его главой,
Какъ привидѣніе изъ ада.
И средь полуночнаго бдѣнья
Ему какъ будто кто шепталъ:
Преодолѣй всѣ затрудненья,
Возьми меня, я тотъ металлъ —
Кладъ, о которомъ ты мечталъ!
Стрѣлецъ упалъ въ изнеможеньи
На орошенную траву;
А кладъ дразнилъ воображенье,
И вызывалъ на дерзновенье
Его горячую главу...
Кровь волновалась и кипѣла,
Гора лежала на плечахъ,
И гармонически звенѣло

Сребро и золото въ ушахъ...
Межъ-тѣмъ, обычной чередою,
Одна звѣзда въ слѣдъ за другою,
Какъ свѣчи, гаснутъ въ небесахъ;
И свой вѣнокъ изъ перламутра
Ужъ мѣсяцъ спряталъ и потухъ;
Вдали пропѣлъ предвѣстникъ утра,
Въ селеньи дремлющемъ, пѣтухъ;
И солнце надъ горою дальной
Лучей бросаетъ желтый снопъ.
Встаетъ съ земли стрѣлецъ опальный,
Потеръ рукой широкой лобъ;
Вдругъ мысль въ умѣ его блеснула
Невинная, какъ дѣвы сонъ,
Она души не ужаснула,
Воспользуется ею онъ,
И завтра, ночью, кончитъ дѣло.
И, такъ рѣшилъ посельщикъ смѣлой,
Чтобъ избѣжать большихъ потеръ,
Онъ въ сѣть заманитъ сто тетеръ,
Отрѣжетъ головы — и вотъ
Онъ ихъ на жертву принесетъ.

И ночь желанная настала;
На холмы, на поля, на лѣсъ
Свой темный пологъ разостлала;
Въ туманъ одѣлся сводъ небесъ;
Луна чуть видимо сіяетъ;
Къ кургану всадникъ поспѣшаетъ
На легкомъ, бойкомъ рысакѣ,
Съ стоглавой данію въ мѣшкѣ.
Ужъ миновалъ онъ лѣсъ густой;
Вдругъ передъ нимъ медвѣдь сѣдой
Взревѣлъ, разинувъ пасть большую,
Глаза сверкнули какъ огонь;
Опасность близкую почуя,
Всталъ па дыбы ретивый конь;
Но всадникъ, удержавъ коня,
Мгновенно мечъ свой обнажаетъ,
Взмахнулъ — и призракъ исчезаетъ:
Предъ нимъ стоятъ два голыхъ пня,
Издавна сросшіесь корнями...
Чернѣетъ сумракъ на поляхъ,
Качаютъ пихты головами,
И слышенъ шопотъ въ ихъ вѣтвяхъ;

И, чуя путника волненье,
Хохочетъ лѣшій въ отдаленьи...

Ѣздокъ, отважной думы полнъ,
Поднялся на высокій холмъ;
Предъ нимъ таинственный курганъ,
И на курганѣ истуканъ (2)
Чуть видѣнъ былъ во тмѣ ночной,
И безобразной головой
Казалось, всаднику кивалъ;
Разинувъ свой широкій ротъ,
Казалось, говорилъ уродъ:
„Сюда, сюда! Тебя я ждалъ."
Кто онъ? злой духъ, или шаманъ?
Межъ-тѣмъ подъ дальнимъ небосводомъ,
Въ густой одѣтыя туманъ,
Играютъ тѣни хороводомъ
И смотритъ мѣсяцъ на курганъ:
И сквозь ночныя облачка
Чуть свѣтитъ дискъ его зрачка...
И вотъ уныло въ-тмѣ ночной,
Съ вершины мрачнаго кургана,

Раздался трижды странный вой,
И показался изъ тумана,
Главою превышая лѣсъ,
Съ когтьми, съ клыками чорный бѣсъ;
Но смѣлый всадникъ не смутился,
Съ мечемъ на бѣса устремился —
И страшный призракъ вмигъ исчезъ;
И совъ испуганная стая,
Крылами быстрыми махая,
Съ кургана съ крикомъ поднялась,
И въ лѣсъ дремучій понеслась.

Остался всадникъ одинокой,
Проворно спѣшилъ онъ съ коня,
Взобрался на курганъ высокой,
И вымолвилъ: „Услышь меня,
„Во тмѣ глубокой полунощной,
„О духъ подземный, многомощной,
„Услышь меня, услышь меня!
„Чтобы почтить твою здѣсь славу,
„Тебѣ принесъ я въ дань кроваву
„Тетерьихъ свѣжихъ сто головъ:

„И этимъ слабымъ приношеньемъ,
„Съ душой покорной и смиреньемъ,
„Чествую и другихъ твоихъ духовъ!“
Сказавъ, онъ ждетъ. Отвѣта нѣтъ,
Какъ въ гробѣ мертвое молчанье;
Луна бросаетъ тусклый свѣтъ,
Не слышно листьевъ трепетанье...
Стрѣлецъ, соскучась ожидать,
Взялъ заступъ, принялся копать
Безмолвный, сумрачный курганъ.
Вдругъ шевельнулся истуканъ,
Оскалилъ зубы, какъ живой,
И голосъ страшный, гробовой
Проговорилъ съ угрозой рѣчи:
„Орла могучаго полетъ
„Въ одинъ мигъ пуля пресѣчетъ!
„О смертный, слабы твои плечи,
„И цѣль, и совѣсть не чиста,
„Усилья жалкія напрасны,
„Тебя смущаетъ суета —
„Иди же прочь, пришлецъ несчастный;

„Здѣсь не возьмутъ твоихъ даровъ,
„Корми ты ими тощихъ совъ!“

Но жаждой къ злату увлеченъ,
Ночныхъ угрозъ не слушалъ онъ,
И къ дѣлу снова устремился.
Вдругъ сзади шорохъ... нѣжный стонъ...
И быстро онъ за мечъ схватился,
И оглянулся — острый мечъ
Скользнулъ изъ рукъ отъ изумленья!
Предъ нимъ, какъ свѣтлое видѣнье,
Стояла дѣва. Мраморъ плечь,
И прямизна и гибкость стана,
Лица прелестныя черты,
Блистали чудомъ красоты
Среди полночнаго тумана.
Стрѣлецъ стоитъ обезоруженъ
Волшебной, дивною красой,
И мечъ съ земли не поднялъ свой,
Какъ будто онъ ему не нуженъ.
Святой молитвы не творитъ,
И только внемлетъ чудной дѣвѣ.

Она въ смятеніи и гнѣвѣ
Мечъ подняла, и говоритъ:
„Скажи, пришелецъ дерзновенный,
„Зачѣмъ ты здѣсь, во тмѣ ночной?
„Зачѣмъ, корыстью увлеченный,
„Ты роешь жадною рукой
„Дорогу въ край завороженный
„Духовъ подземныхъ? Дай отвѣтъ!
„Въ тебѣ другихъ стремленій нѣтъ,
„Какъ только къ золоту! Нагнись,
„И что у ногъ твоихъ, всмотрись.“
Онъ смотритъ: съ золотомъ, въ аршинъ,
Стоитъ серебряный кувшинъ.

Свершилось жаркое желанье,
У ногъ стрѣльца богатый кладъ;
Въ душѣ кипитъ одно стяжанье,
Онъ приковалъ ко злату взглядъ.
Глядитъ въ восторгѣ, въ упоеньи
На кладъ златой, въ ночной тиши,
И дѣвы чудное видѣнье
Его не трогаетъ души;

И онъ надъ золотомъ забылся,
И жадно за кувшинъ схватился.
Блеснулъ звѣздою острый мечъ,
И голова скатилась съ плечь...

Въ ножны уложенъ мечъ кровавый;
Мертвецъ трепещущій, безглавый
Какъ вихрь помчался на конѣ,
При опечаленной лунѣ.

И съ той поры, во тмѣ полночной
Слыхали часто конскій скокъ,
Къ кургану мчался въ часъ урочной
Съ мѣшкомъ таинственный ѣздокъ.
Въ одной рукѣ его блистаетъ
Товарищъ грозный, острый мечъ,
Но голова не украшаетъ
Его могучихъ крѣпкихъ плечь.
И видъ наѣздника ужасный
Не рѣдко въ трепетъ приводилъ
Купцовъ, свершавшихъ путь опасный
Чрезъ степи, близъ чудскихъ могилъ.

И если чьи завидятъ очи
Какъ мчится всадникъ сквозь туманъ,
И ужъ навѣрно среди ночи
Враги ограбятъ караванъ.
Такъ толковали наши дѣды,
Въ забаву, подъ вечеръ, внучатъ,
И дѣдовъ давнія бѣсѣды,
Какъ струны вѣщія звучатъ...
Пускай же и чудской расказъ
Пребудетъ памятенъ для насъ.
Намъ дѣды наказали строго
Любить Царя, да помнить Бога,
И не рѣшаться обмануть
Кого-нибудь и какъ-нибудь,
Лишь изъ видовъ корыстной жажды,
Какъ погубилъ себя стрѣлецъ.
Но вотъ-что сталось наконецъ.

III.

Однажды
Случилась съ Русскими бѣда,
Форпостъ (3) Киргизы (4) разорили,
Коней, коровъ, овецъ стада
Во мракѣ ночи захватили,
Кругомъ селенье подожгли,
И въ плѣнъ козачку увезли.
Кто спорить могъ отъ сна вставая?
Всѣ защищались какъ могли.
Къ тому-жъ скрывала тма ночная
Число отчаянныхъ враговъ

Отъ изумленныхъ козаковъ.
И такъ какъ хаты ихъ горѣли,
Пожаръ всѣ бросились тушить;
Враги тѣмъ временемъ успѣли
Далеко въ поле отступить.
Вотъ разсвѣло. Козакъ младой,
Удалый мужъ козачки плѣнной,
Вернулся съ радостной душой
Въ домъ, изъ поѣздки отдаленной.
Въ стѣнахъ своей унылой хаты
Онъ ни кого не застаетъ —
Не даромъ съ воемъ песъ мохнатый
Его тамъ встрѣтилъ у воротъ!
Козакъ спѣшитъ узнать въ селенье,
И слышитъ горестную вѣсть;
Ему несносно униженье,
Въ его душѣ вскипѣла месть.
Беретъ онъ дротикъ и винтовку,
И неизмѣнный свой кинжалъ,
И сѣлъ въ сѣдло какъ соколъ легкой,
Коню лихому шпоры далъ,
И мчится быстро изъ селенья,

Привставъ на звонкихъ стременахъ,
Мелькаетъ точкой на холмахъ,
И скрылся въ синемъ отдаленьи.

На небѣ солнце отсіяло;
Природа дремлетъ, ищетъ сна;
Изъ водъ какъ лебедь выплывала
Ночей красавица, луна.
Раскинулись на холмахъ тѣни
Отъ пихтъ, отъ елей и березъ;
И чистыхъ не жалѣя слезъ,
Не предаваясь сну и лѣни,
Свой вѣчный ропотъ, безъ рѣчей,
Ввѣряетъ сумраку ручей.
И у ручья, въ ночной тѣни,
Мерцаютъ хищниковъ огни.
Всѣ спятъ. Лишь только дикой,
Съ большою бритой головой,
Стоитъ недвижно часовой,
Какъ пень обвитый павеликой,
И, вызывая бдѣнье, свистомъ
Тревожитъ эхо въ полѣ чистомъ.

Какъ бури отдаленный ропотъ,
Въ пустынѣ слышенъ конскій топотъ,
И въ темной мрака глубинѣ
Мелькаетъ всадникъ на конѣ.
Кто онъ? Ужели тотъ стрѣлецъ,
Въ ночи блуждающій скиталецъ?
Уже-ль не будетъ наконецъ
Землею принятъ онъ, страдалецъ?
Уже-ль силенъ нечистый врагъ?
Но вотъ, вздымая дольній прахъ,
Онъ быстро выскакалъ изъ лѣса.
Но не мертвецъ то, а живой,
Въ рукахъ съ винтовкой боевой.
Уже-ль влюбленный то повѣса,
Отважно ѣдетъ въ темнотѣ,
Ввѣряясь счастія мечтѣ,
За поцѣлуй рискуя милой
Попасть къ Киргизамъ въ плѣнъ унылой?
Но нѣтъ, наѣздникъ молодой
Весь занятъ мыслію иной.
Кто-жъ этотъ витязь? Онъ козакъ.
Куда онъ поздно такъ стремится?

Зачѣмъ презрѣлъ полночный мракъ?
Уже-ль онъ, смѣлый, не боится
Ни злыхъ русалокъ, ни духовъ?
Нѣтъ, онъ нашелъ слѣды враговъ,
И только жаждетъ лишь сразиться
Съ невѣрными — и за жену
Готовъ въ бой вызвать сатану!
И мчится онъ, какъ вѣтеръ горный,
Весь въ мылѣ конь его лихой;
Во слѣдъ за нимъ, слуга проворный,
Несется песъ его стрѣлой.
Вотъ поднялся на холмъ высокой,
Тамъ, гдѣ чернѣется курганъ,
Временъ минувшихъ великанъ;
Изрытъ хребетъ его глубоко,
И дикою поросъ травой.
Такъ воинъ, въ схваткѣ роковой,
Настигнутъ смертію жестокой,
Лежитъ съ разрубленной главой.

Козакъ взобрался на курганъ.
Глядитъ: въ туманномъ отдаленьи

Блеститъ огнями дикихъ станъ,
И всѣ въ глубокомъ усыпленьи . . .
И очарованъ тишиной
Уснулъ ночной сторожевой.
Оставя вѣрнаго коня
На муравѣ, вблизи кургана,
И злою местію горя,
Къ огнямъ кочующаго стана
Козакъ украдкою идетъ;
То на колѣни припадетъ,
И поравняется съ травой,
Чтобъ не замѣтилъ часовой.
Напрасно, онъ и не замѣтитъ,
Онъ весь въ дремоту погруженъ;
Лишь огонекъ, пылая, свѣтитъ,
Не нарушая хищныхъ сонъ.
Подкрался; видитъ и дрожитъ,
Повѣрить самъ-себѣ не смѣя . . .
Увы, жена его лежитъ
Въ объятьяхъ хищника-злодѣя.
Козакъ подулъ ей на лицо,
Взялъ руку, тихо жметъ кольцо,

И шепчетъ на ухо: „Агата,
„Проснись, твой мужъ передъ тобой.
„Звѣзда полночнаго заката
„Еще высоко надъ землей,
„И мы успѣемъ убѣжать.
„Киргизы спятъ — и удержать
„Насъ некому."
Она въ отвѣтъ:
— Ахъ, я несчастная! Мой свѣтъ,
Я согрѣшила предъ тобою;
Иди, оставь меня на вѣкъ
Съ моею горькою судьбою;
Да торопись, чтобъ человѣкъ
Здѣсь ни одинъ тебя замѣтить
Не могъ... Бойся встрѣтить
Взглядъ грозный Хана...
Пылкій взоръ
Козакъ потупилъ и смутился:
Спасти онъ честь свою стремился,
И вдругъ увидѣлъ свой позоръ...
На что-жъ ему теперь она,
Его преступная жена?

И грозно онъ заскрежеталъ,
Въ рукѣ сверкнулъ стальной кинжалъ;
Нанесъ ударъ — и отъ кинжала
Она чуть слышно простонала.
Но этотъ слабый, женскій стонъ
Достигъ до вражескаго слуха,
Съ ресницъ отвѣялъ чуткій сонъ,
И стражъ, какъ тѣнь ночнаго духа,
Привсталъ съ земли... Глядитъ, глядитъ;
Кругомъ все тихо, все молчитъ;
Огонь по прежнему пылаетъ;
Предъ нимъ, вблизи, козакъ стоитъ,
И грозно взоръ его сверкаетъ.
Схвативъ копье, Киргизецъ дикой
На незнакомца прянулъ съ гикомъ;
Но выстрѣлъ вдругъ загрохоталъ;
И стражъ прострѣленный упалъ...
И всѣ воспрянули отъ сна;
Гулъ вдалекѣ вторился эхомъ;
Ему, во-тмѣ, съ рѣчнаго дна
Русалки отвѣчали смѣхомъ.

Какъ тигръ, встревоженный пальбой,
Проснулся хищникъ оробѣвшій;
Зоветъ козачку; но нѣмой
Предъ нимъ лишъ трупъ, неохладѣвшій
Еще отъ смерти. Голова
Назадъ откинулась, и очи
Ужъ не блестятъ какъ звѣзды ночи,
И замерли въ устахъ слова...
Джигиты, кто ее убилъ?
Грабитель громко завопилъ,
Киргизцевъ опрошая всѣхъ.
Вдругъ слышатъ, въ темномъ отдаленьи
На вопль его раздался смѣхъ.
И всѣ глядятъ въ нѣмомъ смущеньи,
И видятъ, тамъ, во мглѣ ночной,
Чуть озаряемый луной,
Чернѣется курганъ высокой;
Къ нему какъ призракъ одинокой
Идетъ козакъ. И въ гнѣвѣ дикомъ
Вскочилъ наѣздникъ на коня,
Къ кургану мчится съ громкимъ крикомъ,
Убійцу дерзкаго кляня;

Грозитъ ему своимъ копьемъ
И хочетъ растоптать конемъ;
Скрыпитъ зубами. Но козакъ
Ужъ сталъ недвижно на курганѣ,
И взоромъ разсѣкая мракъ,
Онъ ждетъ врага въ ночномъ туманѣ.

Межъ тѣмъ курокъ своей винтовки
Козакъ, прицѣливаясь, взвелъ;
Вотъ подскакалъ наѣздникъ ловкій
Стремительно, какъ бы орелъ
Въ степи на цаплю налетѣлъ.
Вдругъ грянулъ выстрѣлъ! И джигитъ
Ужасно вскрикнулъ и дрожитъ;
Хотѣлъ привстать и пошатнулся,
И вдругъ повиснулъ на сѣдлѣ;
Подъ нимъ ретивый конь споткнулся,
Сталъ какъ прикованный къ землѣ.
Киргизцы бросились толпой,
Взять трупъ убитаго джигита,
Вдругъ слышатъ, звонкіе копыта
Стучатъ о камни въ мглѣ ночной,

Къ кургану ѣдетъ всадникъ странный,
Съ мѣшкомъ широкимъ въ торокахъ,
Но безъ главы и бездыханный,
И мечъ блеститъ въ его рукахъ.
Ордынцы-трусы испугались
При видѣ грозномъ мертвеца,
И всѣ по степи разбѣжались
Какъ злые волки отъ ловца.
Киргизцы вѣрили тогда,
Что съ кѣмъ мертвецъ въ степи встрѣчался,
И съ тѣмъ сбывалася бѣда,
Тотъ въ плѣнъ суровый попадался,
Или въ нечаянномъ бою
Терялъ на вѣки жизнь свою.

Мертвецъ къ кургану прискакалъ
Вооруженный какъ на битву,
Мечемъ булатнымъ онъ махалъ...
Козакъ, крестясь, творитъ молитву,
И смѣлой поступью идетъ
На мертвеца впередъ, впередъ,
И набожно сложивъ персты,

Онъ чертитъ въ воздухѣ кресты:
И только къ трупу прикоснулся,
Мертвецъ утихъ, затрепеталъ,
Къ сѣдлу какъ тросточка нагнулся,
И на землю съ конемъ упалъ.
Козакъ глядитъ. Гдѣ-жъ вражья сила,
Киргизцевъ злая саранча, (5)
Которая ему грозила
Снять буйну голову съ плеча?
Лишь въ отдаленьи конскій скокъ,
Чуть было слышно, раздавался,
И глухо пѣнистый потокъ
О берегъ съ ропотомъ плескался,
И степь покрылъ полночный мракъ.
Во мракѣ молится козакъ,
И думаетъ: что дѣлать мнѣ
Здѣсь, въ этомъ мѣстѣ одичаломъ?
И вдругъ онъ вспомнилъ о женѣ,
Проколотой его кинжаломъ;
И сожалѣнія слеза
Ему скатилась на глаза.
Онъ не оставитъ трупъ унылый

На растерзаніе звѣрей,
И вотъ собравъ остатокъ силы,
Онъ хочетъ рыть могилу ей
Среди кургана; но объемлетъ
Его въ мгновенье легкій сонъ;
И онъ прилегъ и сладко дремлетъ,
И сквозь дремоту слышитъ онъ
Волшебный голосъ пѣсни томной:

„Луна, царица ночи темной,
„Съ небесъ таинственно глядитъ;
„Надъ нею свѣтлый духъ паритъ,
„Красавицей любуясь скромной.
„Духъ этотъ любитъ добродѣтель,
„Караетъ хитрость и обманъ,
„Тебя привелъ онъ на курганъ
„И мести былъ твоей свидѣтель.
„Забудь утраты и печали,
„И вѣдай, мститъ молодой,
„Тебя давно здѣсь ожидали:
„Здѣсь, подъ таинственной землей,
„Найдешь ты серебро и злато,

„И будешъ ты безъ горя жить;
„Отринь свой сонъ, успѣй разрыть
„Курганъ до луннаго заката.
„Въ немъ гробница стоитъ;
„Въ ней дѣвица лежитъ;
„Отъ волшебнаго сна
„Тихо встанетъ она.
„Ты увидишь ее
„Въ полномъ блескѣ красы;
„Что за грудь у нее!
„Мягче пуха власы;
„Очи — свѣтъ и любовь;
„Сердце — сладостный рай!
„Вѣрь, полюбишь ты вновь:
„Не грусти, не рыдай.“

IV.

Уныло воетъ вѣтръ въ горахъ,
Какъ волкъ голодный, полусонный;
Иртышъ играетъ въ берегахъ,
Какъ въ клеткѣ левъ неугомонный;
Вздымая бѣлые хребты,
То серной на утесы скачетъ,
То вдругъ какъ дѣвушка заплачетъ,
Воспомня грустныя мечты...
Отъ волнъ его окрестность воетъ!
Козакъ удалый землю роетъ,
Желая видѣть чудный кладъ.

Какъ два скелета гробовые,
Два камня въ глубинѣ торчатъ,
И будто псы сторожевые,
Ужъ дальше рыть ему претятъ.
Но возлѣ скользкаго ихъ края
Чернѣетъ впадина пустая;
Земля осѣла — темный сводъ
Предъ нимъ открылъ подземный ходъ.
И въ глубинѣ подъ этимъ сводомъ,
Свиваясь свѣтлымъ хороводомъ;
Какъ будто звѣздочки въ ночи,
Пылаютъ яркія свѣчи.
Козакъ тѣмъ свѣтомъ ободрился,
И въ подземелье опустился.

Въ чертогъ гранитный входитъ онъ;
И видитъ: рядъ большихъ колоннъ
Поддерживаетъ мрачный сводъ.
И свѣчь блестящій хороводъ
Гробницу мирно окружилъ.
Казалось, тамъ волшебникъ жилъ
И схоронилъ свое добро:

Лежало въ слиткахъ серебро,
И золото въ большихъ кускахъ;
Висѣли шкуры на стѣнахъ
Бобровъ, лисицъ и соболей;
И лучь отъ радужныхъ лучей
На нихъ привѣтливо игралъ...
Козакъ безмолвно озиралъ
Въ землѣ открытый имъ чертогъ;
Онъ мыслить никогда не могъ
О томъ, что видитъ, что нашелъ;
И смѣло онъ впередъ пошелъ;
И, вскрывъ алмазную гробницу,
Весь обомлѣлъ, затрепеталъ...
Не диво! Чудную дѣвицу
Онъ въ той гробницѣ увидалъ.
Она, казалося, спала,
Но такъ была собой мила,
И такъ плѣнительно прекрасна,
Что если-бъ кто ее узрѣлъ
Въ гробницѣ спящую, тотъ страстно
Любовью бъ къ ней воспламенѣлъ
Навѣки... Точно такъ

Къ ней страсть почувствовалъ козакъ,
И умъ его объялъ восторгъ.
И если-бъ кто увидѣть могъ
Тамъ козака, въ тотъ дивный мигъ,
И тотъ навѣрно-бы постигъ
Какъ сердце вдругъ зажглося въ немъ
Восторга сладостнымъ огнемъ,
И быстро мысли потекли
Въ пространствахъ моря и земли,
Въ пучинахъ тмы, въ лазури неба...
Влюбленный, передъ дѣвой гроба
Козакъ колѣни преклонилъ;
Казалось, будто онъ молилъ,
Чтобы прекрасная проснулась,
Хоть разъ взглянула на него,
Ему привѣтно улыбнулась...
И думать больше ничего
Козакъ не могъ и не желалъ.
Съ колѣней тихо онъ привсталъ,
Склонился къ дѣвѣ боязливо,
И робко, робко, торопливо
Ее въ уста поцѣловалъ.

При освѣщенномъ мракѣ ночи
Красавица открыла очи,
Вздохнула медленно она,
И встрепенувшись, тихо встала,
Чудесной прелести полна,
Какъ будто ясная луна
Подъ мрачнымъ сводомъ засіяла.

„Кто ты? Нашъ не другъ или другъ,
„Проникнувшій въ чертогъ подземный?
„Изъ свѣтлыхъ странъ могучій духъ,
„Или пришлецъ иноплеменный?
„Скажи, какъ могъ разрушить ты
„Мой долгій сонъ, мое томленье?
„О разрѣши мое сомнѣнье,
„И успокой мои мечты...
„Неправда ли, ты не отринешь
„Дѣвической мольбы моей,
„Меня одну здѣсь не покинешь? —
„Мнѣ грустно, страшно безъ людей...
„Я помню, прежде я живала
„Съ людьми, въ Искерѣ, межъ подругъ,

„Въ веселыхъ играхъ провожала
„Тамъ мой младенческій досугъ.
„Но вдругъ надъ нами разразился
„Неумолимый гнѣвъ боговъ,
„Въ Сибирь нечаянно явился
„Ермакъ съ дружиной козаковъ.
„Напрасно Царь, собравши рать,
„Враговъ пытался отражать;
„Напрасно Махметъ-Кулъ могучій,
„Нашъ первый витязь, братъ Царя,
„Врожденнымъ мужествомъ горя,
„Имъ посылалъ на встрѣчу тучи
„Неотразимыхъ меткихъ стрѣлъ —
„Ермакъ насъ въ битвѣ одолѣлъ;
„Махметъ въ плѣну — во слѣдъ героя
„Сибирь врагу досталась съ боя...
„И мой отецъ, сѣдой шаманъ,
„Презрѣвши плѣнъ, позоръ и цѣпи,
„Бѣжалъ со мной далеко въ степи,
„Спасаяся отъ Россіянъ;
„И научаемый богами,
„Здѣсь отъ враговъ меня сокрылъ,

„И клятву жгучими словами
„Онъ мнѣ на сердце наложилъ —
„И я кляну моихъ враговъ,
„Ужасныхъ Русскихъ козаковъ…“

Вдругъ взоръ пришельца заблисталъ;
„Я Русскій, громко онъ сказалъ,
„Остановись! Твои слова,
„И звучный громъ твоихъ проклятій,
„Внушила ложная молва;
„Но ты не знаешь моихъ братій,
„Не вѣдаешь ты какъ чиста
„Ихъ вѣра въ Бога, во Христа,
„Какъ велика къ Царю любовь;
„Не даромъ пролилася кровь
„Здѣсь, на поляхъ твоихъ родныхъ,
„Клянуся ликами святыхъ,
„Я Русскій!..“ Онъ перекрестился.
И громъ подъ сводомъ прокатился;
И свѣчь померкнулъ яркій блескъ;
Кругомъ раздался шумъ и трескъ.
Козакъ за саблю ухватился,

И, обнаживъ ее, стоялъ,
И гордо, смѣло ожидалъ
Развязки драмы, подъ землей
Во тмѣ полночной начатой.

И видятъ: огненный подвалъ
Вдругъ отворился; и оттуда,
Выходитъ какъ туманный день,
Обвитая змѣями тѣнь.
И дѣва съ трепетомъ узнала
Въ той тѣни своего отца;
И тихо, тихо прошептала,
Глядя сквозь слезъ на пришлеца:
„Мнѣ жаль тебя — иди, бѣги;
„Отецъ мой страшно хмуритъ брови;
„Здѣсь разорвутъ тебя враги,
„Твоей алкающіе крови...
„Здѣсь духи мрачные живутъ...“

Тѣнь.

Смертный, призови на судъ
Твою прозорливую совѣсть,

И пусть прочтетъ тебѣ она,
Нельстивой истины полна,
Протекшихъ дней былую повѣсть.
И если праведный упрекъ
Укажетъ памяти туманной
На сердцѣ тлѣющій порокъ, —
Тогда страшися, гость незванной,
Или бѣги отсель, бѣги,
Главу свою побереги...
Напрасно саблею сверкаешь,
И, какъ тигренокъ молодой,
Глазами молча угрожаешь
Ты головѣ моей сѣдой:
Слетѣла сабля не одна
Въ пучину огненнаго дна;
И не однѣ ужъ крѣпки руки
За дерзость терпятъ злыя муки.
Прислушайся!“

И страшный гласъ,
Какъ бури вой въ полночный часъ,
Встревожилъ душу, и затихнулъ...
И зевъ разинувъ роковой,

Подвалъ ярчѣй пожара вспыхнулъ.
И стонъ и скрежетъ гробовой,
Какихъ козакъ не зналъ доселѣ,
Тамъ слышны были въ самомъ дѣлѣ.

Козакъ.

О, чтобы ни было со мной,
Защитникъ мнѣ — Спаситель мой!
И здѣсь коварными духами
Я быть растерзанъ не боюсь;
И Бога вѣчнаго дарами
Отъ злаго ада осѣнюсь.
Бросаю саблю! Этотъ крестъ,
Залогъ любви, и вѣры знамя,
Меня спасетъ: и злое пламя
Повѣрь, не тронетъ этихъ мѣстъ,
Гдѣ мы стоимъ.

И бросивъ саблю, крестъ завѣтный
Онъ снялъ съ пылающей груди,
Поцѣловалъ залогъ побѣдный,
Съ нимъ длань уставилъ впереди.

Шаманъ напрасно заклинаетъ
Кипящихъ злобою духовъ,
Ему ни кто не отвѣчаетъ,
Безсильны козни злыхъ враговъ.
Лишь пламя, взоры ослѣпляя,
Шумитъ, въ отверстіе пылая,
И сѣрный запахъ, смрадъ и дымъ
Клубятся облакомъ густымъ
Вкругъ тѣни.

„Великъ и славенъ вѣчный Богъ!
„Онъ слышитъ голосъ чистой вѣры.
„Къ Нему мольбы твои и вздохъ
„Дошли изъ сумрачной пещеры.

. . . .

„Моментъ минуты роковой
„Ужъ близокъ, злымъ на отомщенье,
„Спѣши на верхъ, тамъ свѣтъ дневной;
„Здѣсь все постигнетъ разрушенье.“

Козакъ восторженный внималъ,
Услышавъ райскіе напѣвы;
И возлѣ чудной, юной дѣвы
Онъ на колѣни вдругъ упалъ,
И долго, горячо молился,
Святою вѣрой оживленъ,
Враговъ онъ больше не страшился,
И видѣлъ все какъ-бы сквозь сонъ.
Въ слезахъ, съ глубокимъ изумленьемъ
Глядѣла дѣва на него,
Въ ней сердце билось умиленьемъ
И тайнымъ страхомъ... Отъ чего?
Она сама того не знала,
И на колѣни ставъ рыдала...
Вотъ наконецъ, онъ тихо всталъ;
Не сокрушайся, ей сказалъ,
Всесильный Богъ, Творецъ всего,
Моленій грѣшныхъ не отринулъ,
И здѣсь страдальца не покинулъ,
Средь адской злобы одного.

. . . .

Нашъ Богъ единъ, Владыка міра,
Въ чьей длани вѣчности судьбы!
Ему при звонкомъ пѣньи клира
Приносимъ въ храмахъ мы мольбы.
А ваши боги — истуканы,
Руками сдѣланы людей;
И ваши вѣщіе шаманы
Не знаютъ истинныхъ идей
О Богѣ вѣчномъ. Ихъ служенье
Есть духу злому угожденье,
Не добрымъ ангеламъ... Но жаль,
Ты словъ моихъ не понимаешь;
Но тамъ, но тамъ ты все узнаешь,
Когда увидишь неба даль,
Кресты церквей и дневный свѣтъ,
Все также радужный и ясный,
Отрадный сердцу и прекрасный,
Какъ ты сама въ цвѣтѣ лѣтъ...
Уйдемъ, прекрасная, отсюда
На Божій свѣтъ, туда, туда!
Здѣсь смерть, и горе, и бѣда,
Тамъ жизнь и счастіе...

Она.

Въ твоихъ словахъ я слышу чудо;
Горю душой увидѣть свѣтъ
И все узнать.

Онъ.

Такъ поспѣшимъ.

Она.

Но мой отецъ.

Они глядятъ: его ужъ нѣтъ;
На мѣстѣ томъ стоитъ скелетъ,
Связь безобразная костей!
И рядъ зубовъ межъ челюстей,
Какъ частоколъ загороженный;
И черепъ желтый, обнаженный,
Съ дырами вмѣсто свѣтлыхъ глазъ;
И былъ похожъ скелетъ согбенный
На злую смерть въ предсмертный часъ...
И дѣва въ страхѣ отступила,
Не смѣя на скелетъ взглянуть,
И вопль печальный испустила,
Какъ будто разрывалась грудь;

И вдругъ ужасно поблѣднѣвъ
Она какъ мертвая упала,
Въ ней сердце тихо трепетало,
Глаза закрылись... Вешній снѣгъ
Былъ не бѣлѣй ея чела!
Увы, ужели умерла?

. . . .

И некрещенная она
На вѣки будетъ лишена
Узрѣть мѣста святыя рая?

. . . .

Козакъ несчастную беретъ,
И тихо ощупью идетъ
Вонъ изъ проклятаго чертога.
Вотъ вышелъ онъ, и молитъ Бога
За избавленье отъ враговъ.
Вдали чернѣется дорога,
И лентой вьется межъ холмовъ.
И вотъ, въ пыли, по той дорогѣ,
Привыкшій къ боевой тревогѣ
Отрядъ тянулся козаковъ.

Козаки храбрые искали
Товарища въ глуши степной,
Киргизцевъ дикихъ повстрѣчали,
И бились съ хищною толпой,
Но козака съ его женой
Они межъ ними не видали.
И только утромъ, сквозь туманъ
Они завидѣли курганъ,
И всѣ къ кургану поскакали.
И что же видятъ? Нѣтъ не сонъ;
Они узнали — это онъ!
Надъ незнакомкой наклонясь,
Стоитъ онъ въ горести, молясь,
И шумныхъ, радостныхъ рѣчей
Не слышитъ; и своихъ очей
Не обращаетъ на друзей.
И тутъ же взоръ ихъ поразила
Глубоко взрытая могила;
И близъ нее, его жена
Лежитъ недвижна и блѣдна;
Она была принесена
Сюда въ ночи, для похоронъ;

Но козака объялъ вдругъ сонъ,
И въ этомъ снѣ услышавъ пѣнье,
Козакъ отложилъ погребенье.
Но что же это наконецъ?
Глядятъ: еще, еще мертвецъ!
Одинъ, казалось, будто спитъ:
То былъ Киргизъ, младой джигитъ.
На немъ тумакъ (6) какъ конусъ острый,
Вверху украшенный перомъ;
Чалбары (7) желтые на немъ;
Обшитъ весь галунами пестрый
Его чекмень. И серебромъ
Оправленъ ножъ его широкой,
На-туго всаженный въ ножны;
Въ крови обрызганъ лобъ высокой;
И были всѣ удивлены,
Узнавъ въ немъ хищнаго султана,
Грабителя родной страны,
Убитаго вблизи кургана.
Но кто жъ послѣдній былъ? Увы,
Онъ весь въ пыли и безъ главы;

Мѣшокъ и мечь лежатъ у ногъ —
Его ни кто узнать не могъ.

Но вотъ очнулся нашъ герой,
Обнялся радостно съ друзьями,
И тутъ же краткими словами
Онъ расказалъ имъ подвигъ свой.
Козаки, слушая, дивились,
И всѣ невольно обратились
Туда, гдѣ чудная краса
Сіяла, будто небеса...
Смежились сномъ ея глаза,
И не мрачила ихъ слеза...
Расказъ окончивъ, какъ умѣлъ,
Козакъ вновь къ дѣвѣ наклонился,
Ей поцѣлуй напечатлѣлъ,
И съ ней навѣки распростился.
Вдругъ, что-жъ? — Свѣжій вѣтерокъ,
Въ лицо ей вѣющій прохладой,
Иль жаркій поцѣлуй помогъ:
Она вздохнула — и отрадой
У всѣхъ наполнилася грудь!

Козаки Бога восхвалили,
Потомъ погибшихъ схоронили,
И весело собрались въ путь.

Что послѣ этого случилось
Съ прекрасной дѣвой, съ козакомъ?
Молчитъ преданіе о томъ,
Судьба ихъ въ вѣчности сокрылась.
И только темная молва
Сложила краткія слова:
„Козакъ удалъ, козакъ богатъ,
„У козака есть въ домѣ кладъ."
И путникъ больше не боится
Кургана позднею порой,
И пѣсню напѣвая, мчится
Въ село дорогою прямой.

ЭПИЛОГЪ.

Сибирь, страна моя родная!
Какъ часто я, питомецъ твой,
Былые дни воспоминая,
Летаю легкою мечтой
Туда, гдѣ дѣвственное лоно
Твоихъ нетающихъ снѣговъ,
Касаясь гордо небосклона
И вѣчно влажныхъ облаковъ,
Стоитъ недвижимо. Гдѣ взоры
Не разъ я устремлялъ на горы,
И на дремучій темный лѣсъ,

Обильный хищными звѣрями;
Гдѣ въ старину богатырями
Свершалось множество чудесъ.
Съ какимъ волненіемъ, бывало,
Волшебный слушалъ я расказъ!
Невольно сердце трепетало,
И въ міръ видѣній увлекали
Простаго юношу не разъ:
О кладѣ темное сказанье,
Или Киргизцевъ злодѣянье,
Иль мука Русскаго въ плѣну,
Иль дѣда вздохъ воспоминанья
Какъ люди жили въ старину.
Тогда, неопытный душою,
Я видѣлъ міръ передъ собою
Подъ вымысломъ волшебныхъ грезъ;
И подъ навтіэмъ чудеснымъ,
Возросъ подъ кровомъ неизвѣстнымъ,
Не зная нуждъ и горькихъ слезъ...
И вотъ настало обновленье:
Разбитъ мечтательный кумиръ!
И я увидѣлъ новый міръ,

Иныя страсти, заблужденья...
Иными думами, мечтами
Теперь наполнился мой умъ;
И, полонъ зрѣлыхъ новыхъ думъ,
Подъ часъ лишь юности цвѣтами
Я утѣшаюсь, — и душой
Изъ края въ край перелетая,
Стремлюсь къ тебѣ, Сибирь родная,
Какъ вскормленникъ, питомецъ твой!

Примѣчанія.

(1) «Во многихъ мѣстахъ Сибири, особенно въ южной части Енисейской и Томской губерній, по теченію Иртыша, и въ Киргизской степи, разсѣяно множество могилъ, принадлежащихъ древнимъ обитателямъ Сибири, и извѣстныхъ подъ именемъ Чудскихъ могилъ, или кургановъ. Вещи, отрываемыя изъ Чудскихъ могилъ, принадлежатъ или къ одѣянію, или къ конской сбруѣ, или къ какимъ-либо мелкимъ украшеніямъ, напр. небольшіе серебряные сосуды, золотыя и серебряныя запястья, ожерелья, кольцы, вещи, похожія на оленей и другихъ животныхъ; мѣдные котлы, кувшины, чаши, топоры, ножи, кинжалы и т. д. Самыми богатыми изъ Чудскихъ могилъ были Алтайскія, хотя онѣ не такъ многочисленны, и не такъ великолѣпны, какъ Саянскія.» (Пут. по Алтаю профес. Щуровскаго. Москвитянинъ 1846 г. № 4, см. Науки, стр. 77.)

Г. Щуровскій, между прочимъ, пишетъ: «Минеральное богатство Алтая, по видимому, было извѣстно еще въ глубокой древности. Здѣсь повсюду встрѣчаются слѣды горныхъ работъ, производимыхъ древними народами; которые давно исчезли съ лица земли, и извѣстны намъ подъ общимъ, весьма неопредѣленнымъ названіемъ Чуди или Чудскихъ народовъ.» (Тамъ же стр. 76). «Что же это за народъ, что это за Чудь, усѣявшая Сибирь своими костями? Эти разбросанныя кости, вѣроятно, принадлежатъ не одному народу, но Исторія до сихъ поръ не объяснила этаго предмета; вопросъ этотъ до сихъ поръ рѣшается однѣми догадками.» (Тамъ же стр. 78).

Примѣчанія Г. Щуровскаго, къ путешествію по Алтаю, такъ любопытны, что мы рѣшаемся выписать нѣкоторыя изъ нихъ:

а) «За нѣсколько лѣтъ до прибытія Палласа въ Сибирь (1771 г.), въ Змѣиногородскомъ рудникѣ найденъ полуорудѣнѣлый остовъ, и при немъ инструменты и кожаный мѣшокъ съ самыми богатыми охристыми рудами.»

б) «. . . въ Алтайскихъ могилахъ найдено было множество вещей, сдѣланныхъ съ большимъ искуствомъ, и даже чеканной работы. Золотыя и серебряныя вещи, хранимыя въ музеумѣ С. Петербургской Академіи Наукъ, большею частію получены съ Иртыша и Тобола.' Сибирскій Вѣстникъ, 1818 г., кн. II. Въ томъ же № находится описаніе и изображеніе одного богатаго Алтайскаго кургана. Онъ лежитъ въ 60 верстахъ на юго-востокъ отъ Локтевскаго завода, на лѣвомъ берегу Алея. Въ разные времена изъ этаго кургана вырыто болѣе 60 фун. золота, въ конскихъ уборахъ и другихъ вещахъ, что и подало поводъ назвать его золотаремъ.»

в) «Въ рукописи де Геннина о Сибирскихъ заводахъ, хранящейся въ Библіотекѣ С. Петербургскаго Горнаго Института, находится описаніе Чудской могилы, весьма богатой золотомъ.» При этой же могилѣ, въ которой лежало мертвое тѣло на золотой выбитой тонкой доскѣ, а по-верху его платья накладено было золотыми тонкими листами, выбитыми толстотою противъ бумаги, всего золота съ пудъ. Оную могилу и доселѣ называютъ чудовикъ. (Спасскій, жизнеописаніе А. Н. Демидова).

Послѣ этого не диво, что въ Сибири, между жителями, особенно крестьянами, встрѣчается много любопытныхъ изустныхъ расказовъ о курганахъ и объ искателяхъ кладовъ. Расказы эти, большею частію, основаны на страш-

ныхъ приключеніяхъ и волшебствѣ. Одинъ изъ такихъ расказовъ предлагается здѣсь читателямъ. — Авт.

(2) Въ Сибири, на курганахъ, особенно въ Киргизской степи, находятъ каменныхъ истукановъ, изображающихъ человѣческую фигуру, но сдѣланныхъ очень грубо, даже безобразно. Крестьяне Сибирскіе называютъ ихъ: «каменныя бабы.»

(3) Форпостами въ Сибири называютъ селенія, въ которыхъ водворены тамошніе козаки. Форпосты эти расположены вверхъ по Иртышу отъ Омска до Семиполатинска и т. д.

(4) Что правильнѣй: Киргизы, или Киргизцы? Впрочемъ говорятъ такъ и такъ. По этому и авторъ не стѣснялся, а писалъ это слово какъ гдѣ оно ложилось подъ перо. Русскіе, при начальномъ водвореніи въ Сибири, много терпѣли отъ набѣговъ дикихъ ордынцевъ, особенно отъ Киргизовъ, что подтверждаетъ грамота, данная Петромъ I Стольнику и Томскому Воеводѣ Ржевскому (1698). Грамота эта, какъ важный историческій документъ, помѣщена отъ слова-до-слова Г. Профес. Щуровскимъ въ 3 примѣч. къ пут. по Алтаю. (Москвит. 1846, Науки, стр. 99). Выписываемъ тѣ слова грамоты, которые именно относятся къ нашему предмету: «только онъ (*) приказалъ на «двухъ ближнихъ горахъ копать, которые супротивъ той «горы копали три дни, и послѣ трехъ дней пріѣхали Киргизы и копать не дали, а товарищъ его Симіонъ изъ «подкопа едва ушелъ, чтобъ не убили, а ранили въ «тотъ день людей и убили двухъ человѣкъ до смерти, ко«торые были на сѣнокосѣ и лошадей отгнали много;» (стр. 100)... «А въ которомъ мѣстѣ на Кіѣ рѣкѣ съ

(*) Грекъ Александръ Левандіанъ, отправленный изъ Москвы для развѣдки серебряныхъ рудъ по Алтаю.

«хлѣбными запасы становятся суды, противъ того мѣста «на сухомъ мѣстѣ велѣть поставить анбары добрые, а «около анбаровъ, для крѣпости отъ непріятельскихъ лю-«дей, тынъ стоячей съ бойницы, и быть у тѣхъ анбаровъ «караулу, чтобъ тѣхъ анбаровъ и судовъ непріятельскіе «люди съ хлѣбными запасы не взяли и огнемъ не сожгли» и т. д. (стр. 101).

(5) Спросите мнѣнія козаковъ и Киргизахъ, и вамъ отвѣтятъ: «Саранча. Много ихъ, да толку мало.»

(6) Тумакъ, Киргизская острокопечная шапка. Нѣкоторые джигиты привязываютъ къ острому ея концу, въ видѣ украшенія, пушистые перья каменнаго орла, извѣстнаго въ Сибири подъ названіемъ: «беркутъ.»

(7) Чалбары, шаровары.

Цѣна 50 коп. серебромъ.

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS
ECKMAN
NDERY INC.
OCT 89
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962

